

Голенкова З.Т., Жвितिшвили А.Ш.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

Мнацаканян М. О.

«ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И ГЛОБАЛИСТСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: МОНОГРАФИЯ»

Мнацаканян М. О. Глобальный мир и глобалистское мировоззрение: монография. – М.: Анкил, 2013. – 392 с.

Книжный рынок последних десятилетий изобилует публикациями о глобализации. Не только неискущённому читателю, но даже специалисту сегодня трудно пробиться сквозь толщу различных взглядов на это социальное явление к его более внятному и целостному пониманию. Поиску ориентиров помогает монография М. О. Мнацаканяна «Глобальный мир и глобалистское мировоззрение». Доверие к ней вызывает подход автора к изучаемому предмету. Для стиля мышления М. О. Мнацаканяна характерны: конкретный анализ конкретной ситуации; диалектическое понимание реальности; теоретико-методологическая проработанность понятийного аппарата; комплексный подход; поиск баланса социально-экономических и социокультурных парадигм объяснения «ускользающего мира» (по выражению Э. Гидденса). Поэтому эта книга не только о глобальном мире, но и том, как концептуализировать социальную реальность.

Монография состоит из трёх частей и девяти глав.

Часть I «Глобализация и мировоззрение. Общие вопросы теории и методологии» содержит теоретико-методологический арсенал монографии, позволяющий подступиться к определению понятий «глобализация», «модернизация», «идентичность», «линейное» и «нелинейное» развитие и др.

Автор даёт два нюансированных определения глобализации не потому что он колеблется в понимании сущности этого явления, а потому что они отражают его сложность и многозначность. Согласно одному определению, «глобализация – это такой выход современного капитализма (и его духа) из эпицентра своего генезиса и развития, именуемого Западом, который, двигаясь на периферию своей мировой системы, утверждает себя в качестве всемирного капитализма, делая все свои звенья родственными, однотипными и идентичными в широком социально-экономическом, технологическом, информационном и в какой-то степени в культурном смыслах» (с. 21). Другое определение акцентирует внимание на том, что «глобализация – это глубочайший процесс социальных трансформаций на основе и методами транснационализма, становления глобального капитализма

на путях преодоления традиционализма в жизни подавляющего большинства человечества и создания реальных факторов и условий сближения стран, народов и их государств на путях интеграции и достижения социальной однородности (однотипности) в смысле принадлежности к системе капитализма» (с. 35). Теоретико-методологическая значимость такого понимания состоит в том, автор избегает избыточных абстракций и находит нерасторжимую связь между процессами глобализации и капитализмом как их конкретно-исторической основы. При этом М. О. Мнацаканян не сводит капитализм к «капиталистическому способу производства», а, отмежёвываясь от экономического детерминизма, понимает капитализм как «общественный строй, где экономические отношения во многом определяются характером воздействия на них неэкономических, в том числе культурных, нравственных, духовных сил и факторов» (с. 23).

Другой позитивный аспект авторского подхода состоит в стремлении не противопоставлять глобализацию и национальную жизнь и не растворять второе в первом, а найти меру их единства. В поиске стыка двух категорий особое значение в социологическом анализе автора получает категория модернизации, которая понимается как «процессы формирования и самоорганизации национальной жизни или стихийно, снизу, или при участии политики государства» (с. 39). Авторский подход отличает доказательность в обосновании позитивной роли национального фактора в становлении и развитии процесса глобализации.

Заслугой М. О. Мнацаканяна является и то, что он разворачивает свой теоретико-методологический анализ в контексте усвоения результатов мировой социологической мысли от М. Вебера до Э. Гидденса и в острой полемике с постмодернизмом. Аргументация автора по-своему последовательна. «Понятие «постмодерн» — подчёркивает он, — делает совершенно смутным, необъяснимым природу общества, уже не связанного с модерном... Положение, с серьёзной научной точки зрения, усугубляется тем, что отрицается связь данного общества с капитализмом: это общество уже некапиталистическое; данный термин, в начале которого стоит приставка «пост-», уже не может символизировать то, что ушло в прошлое» (с. 61). Противопоставляя понятию «постмодерн» как мифологеме понятие «транснациональный модерн» как научно выверенное отражение объективной реальности, М. О. Мнацаканян достигает двух принципиально важных для его концепции целей: с одной стороны, показать фундаментальную роль национального фактора в процессах глобализации, а, с другой — «реабилитировать» космополитизм как выражение глобалистского мировоззрения. Это позволяет понять смысл дифференцированного авторского отношения к построениям некоторых западных социологов, которые правомерно или неправомерно ассоциируются с постмодернизмом. Речь идёт, в частности, о позициях Э. Гидденса и У. Бека. Автору близка позиция британского социолога и чужда позиция немецкого социолога. Космополитизм у Э. Гидденса предполагает сближение и интеграцию между «реальными нациями», т. е. «транснациональное» единство, а космополитизм в трактовке У. Бека не оставляет места национальным силам в глобальном мире, признавая за нациями и национальными государствами только одно право — право их ухода из социального бытия.

Проблема сохранения или исчезновения национального в современном мире крайне сложна. При её анализе приходится считаться со многими индикаторами. Одним из ключевых является идентичность. Автор определяет её так: «Идентичность есть не свойство..., но отношение. Она формируется... (или, напротив,... трансформируется) только в ходе социального взаимодействия. В строгом смысле идентичность может быть атрибутивна только индивидам, поскольку только индивиды обладают качеством субъективности, соответственно, способны относить или не относить к себе определённые значения» (с. 89). По мнению автора, приписывать идентичность группам можно лишь в «метафоричном смысле». Такое понимание идентичности, к слову сказать, сближающее позицию автора с «методологическим индивидуализмом» М. Вебера, позволяет связать проблему будущности наций с проблемой сохранения национальной идентичности индивида.

Другая фундаментальная проблема социологического дискурса, рассмотренная в рецензируемой монографии, – проблема «линейного» и «нелинейного» развития (с. 138–150). В понимании соотношения этих категорий автор следует концепции социокультурной динамики П. А. Сорокина. Автору близка рецепция линейности и нелинейности как внутренних свойств, источников развития системы, которые нельзя противопоставлять друг другу. Он справедливо отвергает абсолютизацию понятия флуктуаций и предлагает рассматривать их в более общем социальном контексте. Вместе с тем нелинейность в трактовке П. А. Сорокина не сводится к флуктуациям. Согласно П. А. Сорокину, нелинейность – это ещё и необязательность прохождения всех стадий общественного развития, отказ от линейной детерминации одной стадии другой. Та же идея есть у «позднего» К. Маркса и М. Вебера, которые считали капитализм необязательным этапом развития общества, локализованным странами Западной Европы и США. В преломлении к теме глобализации это рождает следующие вопросы. Неизбежен ли переход от традиционных обществ, втянутых в орбиту глобализации, к постиндустриальным обществам? Или сначала им предстоит и предстоит ли вообще пройти фазу «рационального капитализма» М. Вебера? Способны ли институты традиционного общества ужиться, говоря словами М. Кастельса, с «информационным» укладом? Существуют ли всеобщие законы общественного развития? Телеологичен ли исторический процесс? Поиски ответов на эти и им подобные вопросы выходят за рамки «линейной логики».

В части II «Глобалистское мировоззрение и видение современного мира» рассматриваются глобалистское мировоззрение, его уровни и носители, роль наций, национализма, национального государства в процессах глобализации.

Автор убедительно показывает, что глобалистское мировоззрение отнюдь не однородно, а состоит из самых разных идеологических ингредиентов. В нём «материалистические, идеалистические, религиозные представления становятся основаниями и внешними свойствами выражения самой сути глобалистского мировоззрения» (с. 153). Отвечая на вопрос о природе глобалистского мировоззрения как «интегралистского и интернационалистского выражения современных процессов ломки национальных, культурных, цивилизационных и расовых границ», автор применяет диалектику общего и особенного (154). Особенное здесь не растворяется в общем, не отходит на его периферию, а трактуется как такая составляющая глобализации, без которой последняя невозможна. Не случайно М. О. Мнацаканян полагает самыми активными и влиятельными субъектами глобалистского мировоззрения национальные государства. Более того, по его выражению, «национально-государственное устройство» — «доминантная основа» глобалистского мировоззрения (156). Важно подчеркнуть, что при осмыслении проблемы согласования глобалистского мировоззрения с национальными традициями конкретных обществ автор старается дистанцироваться от дилеммы первичности/вторичности, вытекающей из монистической картины мира. Логика автора основывается на понимании того, что решение проблемы соотношения глобального и национального сложнее тех решений, которые предлагают монизм и постмодернизм. Смысл глобализации автор видит в разрушении национальной обособленности, автаркии при сохранении национальной жизни. Глобализация не отменяет национальную идентичность, а освобождает её от узости классовых и партийно-идеологических императивов, вызывающих к необходимости мобилизации масс. Таким образом, национальная идентичность не исчезает, а трансформируется, опираясь «всё больше и больше... на культурно-психологические основания» (с. 221). В условиях глобализации национальная идентичность обретает возможность перейти к индивидуализации без утраты личностью чувства сопричастности к своему народу. В ходе своих пространственных рассуждений автор закономерно приходит к постановке следующего вопроса: «Может ли национализм стать носителем положительной, исторически оправданной роли в национальных движениях?» (с. 238). Его ответ вписан в логику исторического подхода: «...такой вопрос правомерен только в одном случае — когда речь идёт о смыслах процессов национальной консолидации, самоорганизации и движения к самостоятельности — к своей национальной государственности...» (с. 242).

Постмодернистским представлениям об угасании национального государства в современном мире М. О. Мнацаканян противопоставляет факты, свидетельствующие о обратном — о фундаментальной роли этого института в процессах глобализации. Автор находит верный тон в полемике с поборниками «панглобализма»: он приводит конкретные примеры, убеждающие в справедливости его тезиса больше, чем абстрактное теоретизирование. Эти примеры свидетельствуют о двух внешне противоположных тенденциях — с одной стороны, образовании новых государств (возникновение Валлонии и Фландрии на

территории Бельгии, стремление к самостоятельности Шотландии и Каталонии), а, с другой – развитию Евросоюза. Осмысление этого опыта имеет не только конкретно-политическое, но и теоретическое значение. Дифференциация и интеграция на деле взаимодополняют друг друга. Глобализация не кладёт конец процессу образования новых государств, а объединение стран в глобальном мире носит реальный, а не фантомный характер. Красноречивым примером реальной интеграции автор считает Евросоюз. Он отмечает: «В лице Евросоюза впервые в мировой истории найдена форма союза государств, где само интегрированное сообщество сообща защищает суверенитет всех входящих в союз государств, больших и малых» (с. 270).

В части III (последней в монографии) «О характере воздействия глобализации на культуру и культурные процессы» размышления автора сосредоточены на положении культуры в эпоху глобализации.

В оценке культурных процессов в глобальном мире автор присоединяется к подходу Н. Н. Зарубиной, согласно которому происходит процесс «вовлечения национальных культур в качественно новое мировое единство, по самой своей природе являющееся транснациональным, лежащим поверх границ отдельных государств, наций, цивилизаций, и имеющее свои собственные, качественно специфические принципы функционирования» (306). Методологическую значимость обретают усилия М. О. Мнацаканяна разграничить понятия «культурная глобализация» и «глобальная культура». Эти внешне близкие понятия приобретают контрастирующие коннотации, когда глобализация культур не редуцируется к такому пониманию глобального, в котором теряется национальное начало. В действительности понятие глобальной культуры скрывает подвох. Оно также не может обойтись без категории национального. Только за глобальную культуру выдаётся транснационализация какой-то одной культуры – в данном случае американской. Поэтому автор отвергает понятие глобальной культуры, предпочитая ему понятия культурной глобализации или глобализации культур. Культура для М. О. Мнацаканяна – «это основа, выражение своеобразия и формы этничности, это всё то, что отличает один народ от другого, выражая его уникальный исторический путь и опыт» (с. 331). Соглашаясь с автором в том, что культурный процесс в эпоху глобализации нельзя понимать как процесс подмены одной культуры другой, всё же трудно не признать, что в глобальном мире происходит разделение культур на доминирующие и более периферийные. О повторяемости этого социокультурного феномена мировой истории свидетельствуют предыдущие волны «глобальности»: античного эллинизма и формирования мирового капиталистического рынка в XIX – начале XX веков. Кульминацией эллинизации стала

Римская империя с доминированием греческой культуры, а образование мирового капиталистического рынка сопровождалось ростом колониальных империй, внедрявших западные культурные нормы в незападные цивилизации.

Отдельное место в третьей, последней части монографии отведено осмыслению проблем русской культуры. В своём ёмком анализе русской культуры автор поднимает проблему её сопротивляемости вызовам, исходящим от глобального мира. С точки зрения автора, наиболее опасным вызовом является вызов постмодернизма. М. О. Мнацаканян видит защиту от него в ментальности и ментальных константах русской культуры. Обращает на себя внимание определение ментальности, устоявшегося представления о которой до сих пор нет в научном сообществе. «Ментальность – поясняет М. О. Мнацаканян, – это не просто склад ума, характер, стиль и способы мышления, но и интеллектуальное выражение национального характера, психологии самой общности» (с. 385). Анализ ментальности и ментальных констант русской культуры подводит автора к «двуединости», т. е. наличию в ней противоположных свойств. Опираясь на идеи Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, он выделяет следующие признаки русского культурного опыта: абсолютизацию власти в форме державности и авторитарности; неприятие демократизма с позиций анархизма и подданства в отношении власти; нравственный максимализм в сочетании с правовым нигилизмом; готовность пострадать за правду; отрицание ценности реальной жизни во имя жизни в «светлом будущем» (с. 385–386). По мысли автора, ментальные константы русской культуры одновременно и защищают её и содержат «консервативные инерции», препятствующие модернизации. М. О. Мнацаканян выражает надежду на то, что «русская культура может устоять перед натиском постмодернизма..., если будут раскрепощены и развиты её мощные созидательные потенции, освобождены от парадоксов теневого и негативного характера» (с. 388–389).

Монография М. О. Мнацаканяна «Глобальный мир и глобалистское мировоззрение» вносит важный вклад в понимание ключевых проблем социологического знания и будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Голенкова З. Т., д.филос.н., профессор
Жвितिашвили А. Ш., к.ист.н.